

Л. П. Дивинская

ИЗ ИСТОРИИ ИЗМАЙЛОВСКОЙ СЛОБОДЫ

Измайловский проспект в справочниках по Санкт-Петербургу под своим названием значится лишь с 1834 года; на планах и картах, составленных до этого срока, трасса, по которой он проходит, называется Вознесенской першпективой.

Трасса перерезана рекой Фонтанкой, через которую перекинут Измайловский мост. Он существует с тех самых далеких времен, когда был получен указ императрицы Анны Иоанновны о постройке слободы для ее детища – Измайловского полка, сформированного в Москве в 1730 году и названного по имени загородного дворца близ Москвы. 12 декабря 1737 года Анна Иоанновна утвердила проект постройки слободы.

Для строительства слободы место было выбрано за рекой Фонтанкой на продолжении Вознесенской першпективы. Выбор определялся тем, что «это место топлению и другим неудобствам подвержено быть не может». Об этом же говорит и финское название деревеньки, которая была отмечена здесь на планах до 1737 года, – Кемийоки, что значит в переводе – «крутобережье». Стоит заметить, что в наводнение 1777 года эта территория затоплена не была.

К 1743 году, уже после смерти императрицы, слобода была построена; сюда были переведены с временных постоев солдаты и младшие офицеры. Их дома располагались в шахматном порядке поротно. Рот было двенадцать, и улицы, пересекавшие Вознесенскую першпективу, нумеровались по номерам рот, их заселявших: 1-я рота, 2-я рота и т. д. Сейчас это – Красноармейские улицы, номера которых по-прежнему соответствуют прежним номерам рот.

Город рос, строился и перестраивался, слободские дома ветшали и приходили в негодность. В 1804 году было принято решение о строительстве каменных казарм, проектирование которых было поручено архитектору Луиджи Руска. Он создал проекты офицерского корпуса, госпиталя и дома офицеров Кавалерийского полка. Два первых здания должны были украсить собой углы пересечения Фонтанки и Измайловского проспекта и создать своеобразный ансамбль набережной. Госпиталь то ли не был построен вообще, то ли безвозвратно исчез в результате разрушений или пожаров. На том месте, где он был запроектирован, в настоящий момент стоит жилой дом с полуциркульными окнами второго этажа; на его фасаде висит мемориальная доска: «В этом доме с 1913 по 1917 годы жил и работал великий советский композитор Сергей Сергеевич Прокофьев».

Офицерский корпус до сих пор стоит первым на четной стороне Измайловского проспекта (№ 2) и вкупе со зданием бывшего манежа (№ 2-а) образует целый квартал до 1-й Красноармейской улицы. В 1930-е годы здесь жили семьи офицеров; старожилы помнят, как во времена репрессий их выселяли прямо на улицу. Сейчас корпус постепенно разрушается, в первых его этажах размещается множество часто сменяющих друг друга, а следовательно, ни за что не отвечающих офисов различных коммерческих организаций.

Однако дом № 2 по Измайловскому проспекту и сейчас многие величают домом Гарновского. Топонимика города сохраняла это имя вплоть до 1923 года, когда

улица Гарновского была переименована в Советский переулок (от 1-й Красноармейской до 7-й Красноармейской ул.). Кем же был этот человек?

Полковник артиллерии Михаил Антонович Гарновский (или, правильнее, – Горновский, как утверждает его внучка, писательница Елизавета Николаевна Ахматова) был управляющим делами в Петербурге генерал-фельдмаршала Григория Александровича Потемкина. Человеком он был неординарным, но сейчас его имя известно лишь специалистам-историкам. Историки обращаются к «Запискам» Гарновского, опубликованным в 1876 году журналом «Русская старина» (№ 1 – 6), чтобы найти сведения о хозяйственных делах Потемкина, узнать петербургские и придворные новости. Но записки мало характеризуют самого Михаила Антоновича. Характеристику этого человека, чаще всего – негативную, можно найти в книге «Старый Петербург» известного историка города М. И. Пыляева, в очерке «Герцогиня Кингстон» писателя-историка Е. И. Карновича, в публикациях А. М. Тургенева и В. В. Голубцова на страницах журнала «Русская старина» (1886. Ноябрь; 1887. Январь).

По свидетельству Е. Н. Ахматовой, заметки которой о деде были также опубликованы журналом «Русская старина» (1898. Май), М. А. Гарновский был старинного дворянского рода. Его отец, столбовой дворянин, служил в казачьем войске, имел земли и крестьян в Черниговской губернии, был человеком состоятельным и, что бывало реже, образованным. Дал он образование и своим пяти сыновьям. Михаил кончил курс в университете в Германии и знал основные европейские языки. После окончания учебы Михаил был определен в л.-гв. Преображенский полк. «Он был талантливым и образованным человеком, каких в то время было немного, и оказал немаловажные услуги своей государыне и России», – пишет Ахматова.

У внуки Гарновского были причины так настойчиво отстаивать его честное имя, которое не раз подвергалось сомнению. Его обвиняли в том, что он разбогател, будучи доверенным лицом Потемкина, когда во время турецкой войны переводил в армию огромные деньги, не давая в том никому отчета. Впрочем, как пишет Ахматова, позднее судебное дело не имело на этот счет никаких документов.

Но основные петербургские слухи были связаны именно с домом на Измайловском проспекте. Дом на углу Фонтанки и Измайловского проспекта, ранее принадлежавший герцогине Кингстон, Гарновский, по свидетельствам М. И. Пыляева и Е. П. Карновича, получил по распоряжению Екатерины II вместо завещанных ему герцогиней 50 тысяч рублей. Знаменитая авантюристка XVIII века, герцогиня Кингстон, историю которой мы знаем благодаря Е. П. Карновичу (см. его книгу «Замечательные и загадочные личности XVIII и XIX столетий». СПб., 1884), дважды бывала в Петербурге и приобретала здесь недвижимость, так как только владея недвижимостью, она могла бы претендовать на столь желанную ей должность статс-дамы. Холодный прием, оказанный императрицей Екатериной герцогине в ее второй приезд, вынудил леди Кингстон покинуть Россию и осесть в Париже, где она в 1788 году умерла шестидесяти восьми лет от роду.

По многим свидетельствам, герцогиня страстно любила Гарновского, но ее наследство – дом и имение – не пошли полковнику впрок. В стихотворении Г. Р. Державина, чья усадьба соседствовала с новым домом Гарновского по Фонтанке, отразилась вся история перестройки дома. Как рассказывают Пыляев и Карнович, основываясь, в том числе, и на комментариях Я. К. Грота к сочинениям Г. Р. Державина, полковник Гарновский задумал построить грандиозный и роскошный дом в надежде перепродать его императрице для одного из великих князей и на том заработать. Раздраженный тем, что новый дом загораживал все пространство и

свет перед его «низменными кровами», Гаврила Романович Державин написал стихотворение «Ко второму соседу» (стихотворение «К первому соседу» уже существовало ранее). В стихотворении отмечена и пышность здания, и «безграничный» двор, и «темный сад кедровый и шумны токи вод» – спроектированный висячий сад. И, как внучка ни пытается позднее реабилитировать честное имя деда, Державин в стихотворении свидетельствует о том, что Гарновский после смерти патрона сплавляет по Фонтанке вниз на барках сокровища Потемкина в свой новый дом, а наследники с помощью полицейских пытаются ему помешать:

К чему ж с столь рвением ты безмерным
Свой постоялый строишь двор,
И, ах! Сокровища Тавриды
На барках свозишь в пирамиды
Средь полицейских ссор?

Как это часто бывает, поэт оказался пророком, когда в этом стихотворении предсказал будущую судьбу дома и его гордого хозяина:

Кто весть, что рок готовит нам?
Быть может, что сии чертоги,
Назначенны тобой царям,
Жестоки времена и строги
Во стойла конски обратят.
За счастье поруки нету,
И чтоб твой Феб светил век свету,
Не бейся об заклад.

В жалобах на Гарновского не было недостатка, но решающей оказалась жалоба графа Стенбока восшедшему на престол Павлу I на самовольное и недобросовестное управление имением герцогини Кингстон и неуплату денег по ее завещанию. Скорый на расправу с людьми, особенно бывшими в фаворе у Потемкина, Павел еще до расследования дела распоряжается о заключении Гарновского в тюрьму. Это было началом конца. Выпущенный из тюрьмы Гарновский попадает туда вторично за неуплату частных долгов и окончательно выходит на свободу только с приходом к власти Александра I. «Великолепный дом Гарновского, – пишет И. И. Пыляев, – в это время поступил в казну, и в нем были помещены сперва конногвардейские конюшни, потом сделаны казармы Измайловского и Лейб-Егерского полков». Так сбылось поэтическое пророчество Державина. Именно этот дом и перестраивал для Измайловского полка архитектор Руска.

Сам Гарновский, потерявший все свое состояние, гордо отказывался от помощи друзей и врагов, и умер в крайней бедности, как утверждают семейные документы, в 1817 году, а не в 1810, как указывал Карнович.

Е. А. Ахматова не отрицала гордости, самонадеянности и расточительности своего деда, но все его несчастья предписывала зависти и клевете. При этом она вполне резонно замечает, что непростительная во времена успехов, гордость Гарновского в годы его крайней бедности должна быть поставлена ему в заслугу.

О такой интересной судьбе дворянина конца XVIII – начала XIX века рассказал нам дом на углу Фонтанки в Измайловской слободе.